

Он подумал об этом немного, затем снова ущипнул себя, как будто наказывая за то, что снова и снова искал оправдания.

Сяо Цзю поставил чашку на стол и с любопытством заглянул в книгу, которую держал Бай Цзыцин, бормоча:

— Господин, вы каждый день читаете эти книги, что в них такого интересного?

— Легенды о духах и призраках, разве они не интереснее, чем люди и дела во дворце? В мире мертвых есть судьи, где за каждым поступком следует воздаяние, разве это не более человечно, чем мир живых?

— Это правда, — кивнул Сяо Цзю. — Если господину нравятся истории, я тоже могу рассказать одну.

Бай Цзыцин вдруг заинтересовался, закрыл книгу и сказал:

— Рассказывай.

История происходила из далекого Сяньчжоу, почти у границы. Сяо Цзю только начал рассказывать, как из бокового зала Дворца Сихэ донесся шум, ворвавшись в комнату. Бай Цзыцин сделал Сяо Цзю знак подождать, чтобы тот продолжил позже.

— Это Юань Синьи.

Голос этой госпожи Бай Цзыцин слышал половину своей жизни. Ее кашель заставлял его правый глаз дергаться. В это время даже обед еще не подали, и она явилась с целой толпой, чтобы навестить его, но, вероятно, больше для того, чтобы найти повод для ссоры.

Сяо Цзю кивнул в ответ на слова Бай Цзыцина и пошел к двери встречать группу. Впереди шла Юань Синьи в розовом платье, с головой, украшенной драгоценностями.

— Я слышала, что господин Бай заболел, и мы с сестрами пришли навестить вас.

По дворцовому этикету, при встрече с другими наложницами, все князья и сановники должны были держаться на расстоянии и избегать неуместных действий. Но Бай Цзыцин даже не пошевелился. Он все так же лениво опирался на мягкую подушку, как и утром, когда его видел Сяо Цзю, и даже накинутая на него одежда была небрежно накинута, что выглядело слишком непринужденно.

Бай Цзыцин был не похож на Фан Цзина. У последнего было слишком красивое, женственное лицо; первый же, благодаря Бай Шу, выглядел приятно в любом случае. Сейчас он тоже улыбаясь говорил:

— Спасибо за заботу. Вчера врачи осмотрели меня, все в порядке. Вот, лекарство я уже выпил.

Он указал на пустую чашку на столе, и Юань Синьи с остальными одновременно посмотрели туда. Даже Сяо Цзю не смог сдержать улыбку, прикрыв рот рукой, чтобы не рассмеяться.

Юань Синьи, однако, не заметила и продолжала:

— Я слышала, что вчера на экзамене Фан Цзин осмелился приказывать министрам! Просто невероятно!

Ее окружение тоже заговорило, поддерживая ее. Бай Цзыцин все так же держал в руках «Записи о таинственном и странном», медленно перебирая страницы пальцами, зевнул от скуки. Оказывается, все из-за Фан Цзина.

Бай Цзыцин все понял, с усмешкой глядя на Юань Синь, ожидая, пока она выслушает всех, кто ругал Фан Цзина, и, наконец, повернулась к нему:

— Господин Бай, на второй день после вашего прибытия во дворец, вы ведь установили для нас правила, не так ли?

Как будто это было окончательным вердиктом.

Все эти предварительные слова были лишь потому, что во дворце мало кто мог говорить, и когда случались проблемы, они обращались к Бай Цзыцину как к редкому гостю. Бай Цзыцин подумал о том, как он поступал в таких случаях в прошлой жизни: просто соглашался с ними, а потом шел к Фан Цзину, долго и нравоучительно говорил с ним, но в итоге все равно продолжал подкалывать и ставить палки в колеса, так что это не имело никакого эффекта. Неудивительно, что позже, проведя столько времени во дворце, никто его не боялся, все считали его сговорчивым.

— Правила... — Бай Цзыцин улыбнулся, повернув голову к Юань Синь. — Я действительно установил правила, и вы должны их соблюдать, но это дело было решено императором.

— Императором?

Он намеренно сделал акцент на этом слове, и Юань Синь наконец нахмурилась, ее лицо стало резким:

— Но этот Фан Цзин...

— Этот Фан Цзин? — Бай Цзыцин фыркнул. Он вдруг выпрямился, и его голос стал громким и твердым. — Я уже говорил, что дела императора мне не подвластны, но вы — это я могу контролировать. Ты только что называла его «наложником», ты, которая столько лет во дворце, осмелилась называть его так при всех? Ты думаешь, я глухой и не слышу, или это твое неуважение к императору, что ты позволяешь себе указывать, как управлять гаремом?!

Бай Цзыцин ударил книгой по подлокотнику кресла, раздался резкий звук, и весь зал затих.

— Если при мне ты позволяешь себе такое, то что же ты делаешь, когда никого нет? Неужели весь мир должен перед вами извиняться?

— ...Мы оговорились, просим наказания.

— Наказания? Я думал, думал и не знаю, как вас наказать... — Бай Цзыцин даже не поднял глаз. — В конце концов, я не такой, как вы. Если я накажу вас слишком строго, никто не будет доволен. Раз уж это дело начал император, отправляйтесь к нему и спросите, как он собирается вас наказать.

...

Изначально они были неправы, и голос, просящий о наказании, заставил Юань Синь покраснеть и побледнеть.

Она топнула ногой, собираясь взорваться, как кто-то позади нее назвал ее, смело возразив, что госпожа Юань Синь пользуется большой милостью императора, и он, вероятно, не захочет ее наказывать.

Бай Цзыцин все это услышал, не веря своим ушам и разозлившись.

— Это правда, — лицо Юань Синь немного посветлело, и ее изначальная «забота» снова проявилась. — Вчерашние события на экзамене, мы просто пришли обсудить это с вами. Вы сами взяли на себя эту обязанность, а теперь отказываетесь?

— Я не отказываюсь, — нахмурился Бай Цзыцин, вставая. — Если вы считаете, что мои слова ничего не значат, то я лично проведу вас туда.

Он был на полторы головы выше Юань Синь и, воспользовавшись этим, бросил на всех презрительный взгляд, произнося:

— Слушайте, если наказание будет легким, я добровольно уступлю свое место другому и больше не скажу ни слова.

— Что происходит? — Увидев Бай Цзыцина с толпой людей за спиной, Ин Цань сразу нахмурился.

Бай Цзыцин не стал тратить слов, он велел Юань Синь самой рассказать.

— Ваше Величество, господин Бай вел себя неприемлемо! — Юань Синь начала с того, как Бай Цзыцин сидел, затем добавила, что он был несправедлив, приукрашивая и полностью переворачивая его слова. — Мы ничего такого не говорили, но во дворце должны соблюдаться правила, а тот, кто их установил, сам их не соблюдает. Кто же тогда будет?

Она говорила это, глядя на Ин Цаня, но тот смотрел на Бай Цзыцина.

Бай Цзыцин ни на кого не смотрел. Он дождался, пока Юань Синь закончит, и просто сказал:

— Я не могу управлять делами других, но могу управлять вами. Ваше Величество, вы должны вынести справедливое решение, наказать или нет?

Ин Цань усмехнулся:

— Наказать, конечно, накажу.

Он сделал паузу, затем добавил:

— Но сегодня, когда вы пришли ко мне, Цзыцин, вы подумали о своей ответственности за управление гаремом?

— Нет, — медленно покачал головой Бай Цзыцин. — Ваше Величество, когда я вошел во дворец, вы должны были предвидеть этот день, не так ли?

Ин Цань глубоко вздохнул и улыбнулся:

— Хорошо, тогда все возвращайтесь и три дня проведите в размышлениях!

— Мы повинемся, — Юань Синь и остальные поклонились, заметив, что Бай Цзыцин не двинулся, и с усмешкой спросила. — Господин Бай, вы, наверное, думаете, что император не

имел в виду вас?

Бай Цзыцин спокойно повернулся и кивнул:

— Именно.

— Как вы смеете! Вы неуважительно относитесь к императору...

— С чего вы это взяли? — спросил Бай Цзыцин. — Только что император спросил меня, думал ли я о своей ответственности, и я ответил «нет». Раз я не думал, зачем мне наказывать себя?

— Это софистика!

— Софистика? Софистика это или нет, император сам решит, — холодно сказал Бай Цзыцин. — Когда я выходил из Дворца Сихэ, я сказал всем, что если наказание будет легким, я не смогу сохранить лицо, и тогда это место я уступлю другому.

— О? — Ин Цань нахмурился, произнося слово за словом. — Тогда скажи, кому ты хочешь его уступить?

— Я скажу, кому захочу? — На лице Бай Цзыцина появилось странное выражение, похожее на злорадство, но слегка бледное.

Ин Цань сказал:

— Говори.

На глазах у всех Бай Цзыцин не обманул ожиданий:

— А как насчет Фан Цзина?

— Почему его?

<http://bllate.org/book/16479/1496886>